

Все началось, как вы, наверное, знаете, в ясный летний день. С озорной старшей сестрой и замкнутым отцом. Бежит по улице с раскатами смеха, преследуя его по улице. И потом, она пропала. Солнце, небо, его сестра, его мир.

А когда он открыл глаза, все было, за неимением лучшего слова, туманно. Казалось, он смотрит на мир сквозь какую-то туманную линзу. И, что еще хуже, он едва мог двигаться. Его конечности были тяжелыми и слабыми. Адам со всем своим менталитетом кота в ажурной сетке яростно пытался отбиться от того, что его удерживало, и, как ни странно, это сработало: то, что удерживало его внутри, лопнуло, как водяной шар, заставив Адама вместе с большим количеством какой-то прозрачной белесой жидкости выскользнуть наружу и разбрызгаться по земле.

Адам попытался застонать, но ничего не вышло. Он попытался глотнуть воздуха, но тоже ничего не вышло. Внезапно его охватила паника, и он отчаянно попытался пошевелить губами, заговорить, закричать, что угодно, но... нет. Ничего. Тишина. И не похоже, что он был глухим, хотя это могло быть хуже, так как он мог ясно слышать вещи. Мягкое хлюпанье воздуха, вырывающегося из того, на что он наступал, ветер, шелестящий в ветвях деревьев, далекий крик какого-то зверя... но сам он не мог издать ни звука.

В состоянии явной паники он начал царапать свое лицо, или где он предполагал, что его лицо было, только чтобы обнаружить, что его руки тупые и мягкие, неспособные причинить ему какой-либо вред. Единственное, что у него было, - это зрение. Он мог видеть. Взглянув на свои руки, он увидел, что они даже отдаленно не напоминают ладони, а похожи на маленькие скромные пеньки снежно-белого цвета, красиво блестящие в свете белого солнца над головой. Адама пробрала дрожь. Это не может быть происходит. Это было невозможно. Неужели Генри снова подшутил над ним? Может быть, Пит поместил его в какую-нибудь большеглазую виртуальную симуляцию девушки, чтобы повеселиться с ним??

Так вот, Адам, возможно, был довольно тупым, но ... да, на самом деле, так оно и есть. Адам был туповат. И поэтому он неохотно смирился с тем фактом, что Пит поместил его в симуляцию ради забавы. В этом не было никакого смысла, вообще никакого, но это было лучше, чем поверить, что он превратился в... кем бы он ни был, без всякой надежды на возвращение.

В то время Адам был всего лишь слизняком. Его кожа была цвета слоновой кости, и у него было три пары маленьких, похожих на щупальца конечностей, хотя они были смехотворно короткими и не могли сделать ничего, кроме как медленно подтолкнуть Адама вперед. Кроме этого, единственными отличительными чертами были его белые усталые глаза и единственное синее кольцо, сидевшее на спине, как кривобокий ореол. Адам, полагая, что ему ничто не угрожает, уверенно зашагал вперед. Очень медленно. Оочень медленно. Спустя всего пять минут усилий, волоча себя, как жирный Ленивец, по травянистой земле, он обнаружил, что слишком расстроен, чтобы продолжать.

Ему хотелось кричать, кричать и вышибить кому-нибудь мозги. Но с его телом, каким оно было, ни один из этих вариантов не был особенно правдоподобным. На самом деле, как он был, это было невозможно. Но больше он ничего не мог сделать. Мысленно он крикнул Питу, чтобы тот выпустил его, и, используя две ноги, которые не тащили его вперед, он отчаянно замахал руками, надеясь, что кто-нибудь заметит его. Если бы Адам был умнее, он, возможно, понял бы, что размахивать руками, чтобы его заметили, вряд ли было хорошей идеей, особенно в густой растительности, которая составляла странный лес, в котором он находился. Адам не мог узнать ни одного цветущего дерева или чего-то еще, черт возьми, даже трава имела странный мятный оттенок, и хотя он не мог видеть никаких существ, кроме себя, у него было чувство, что он

тоже не узнает их.

В конце концов маленькое белое солнце на небе успокоилось, и взошла ослепительно белая, очень маленькая луна. Адам, однако, едва ли заметил это, так как он мог легко видеть в темноте. Но вот что он заметил, так это возросшую активность в лесу. Птичья песня затихла, и осталось лишь шипение ветра и тихое бормотание движения. Кусты зашуршали, трава была примята, и сквозь все это белоснежный Адам пробирался в одном направлении, не понимая, какая большая мишень у него на спине.

И довольно скоро, неизбежно, что-то еще заметило Адама, прежде чем Адам успел это заметить. Не то чтобы Адам смог бы защититься от этого, даже если бы заметил. Он следовал за ним уже некоторое время, оставаясь в кустах, выслеживая каждое его движение, облизывая свои отбивные в процессе подготовки.

Он был молод. Он еще не понимал мир, но был достаточно взрослым.

Адам должен был заметить это раньше, что с шелест становится все более и более часто, как его преследователь вырос более раскованным, но он не. Через некоторое время, он, должно быть, заметил это, поскольку он на мгновение остановился, обернулся и столкнулся лицом к лицу с..... Адам не знал, что это за существо. Все, что он знал, это то, что он смотрел в изумрудно-зеленые глаза большого, гладкого куста. Нет, при ближайшем рассмотрении это был не куст. Это была просто большая (очень большая) дикая кошка, с длинными, зелеными, пушистыми волосами, которые, поскольку они были немного жирными, слипались в большие коровьи листочки, очень похожие на листья. Если бы не сверкающие когти и раскрытая красная пасть, он бы вообще не понял, что это дикая кошка. Или это была пума?

Они смотрели друг на друга в течение секунды, а затем, он набросился. Даже если бы Адаму захотелось закричать, что он и сделал, он не смог бы этого сделать. Его маленькие щупальца жалобно замахали, когда его студенистое тело погрузили в слюнявую пасть. Острые, хищные зубы впились в его нежную, слабую плоть, заставляя дрожь боли пронзать его маленькое тело. Как будто его пронзили электрическими проводами, все его тело напряглось и одновременно дернулось. Если бы он мог это увидеть, то увидел бы невозможное: ухмыляющуюся кошку.

Казалось, она не собиралась причинять ему боль, только время от времени жевала. Но каждый раз он чувствовал себя на шаг ближе к двери смерти, и единственная мысль, звучащая в его голове, единственная мысль, пытающаяся из всех сил вырваться из зашитого рта, была: "смертьсмертьсмертьсмертьсмертьсмертьсмертьсмертьсмерть". Он задавался вопросом: "почему меня до сих пор не убили? Может, у него был плохой вкус? Может быть, он действительно был ядовитым?" Но, похоже, дело было не в этом.

В конце концов, после того, что казалось годами, он был освобожден, подпрыгивая на полу, как мокрая, неправильно использованная скрипучая игрушка. Он поднял голову, его усталые глаза скользнули по лицу и телу нападавшего. Оно выглядело безразличным. Это его едва позабавило. Неужели его жизнь так мало стоит?... Адам вздрогнул, вздрогнув от волны боли, сопровождавшей его невольное движение. Пума никак не отреагировала. Она просто смотрела на него, как будто чего-то ждала. Может быть ... может быть, она его отпустила?...

Адам проверил свою теорию. Один шаг, два шага... он не мог сопротивляться. Три шага, четыре шага. Это было выше его сил. Пять шагов, шесть шагов. Он не хотел умирать. Семь шагов, восемь шагов. Он не хотел..., девять дес...,

Огромная лапа ударила его в бок, по телу пробежала рябь, кожа разорвалась, освобождая

белые липкие внутренности из плотской тюрьмы. Когти рвали его студенистое тело, и прежде чем он успел понять, что происходит, он уже был в воздухе, его швыряло между лапами, он падал только для того, чтобы его ударили с силой грузовика и снова отправили в воздух. В этот момент любая борьба, оставшаяся в Адаме, была полностью и полностью оставлена, заменена кроткой апатией. Если он и чувствовал боль, то никак на нее не реагировал. Если он все еще боялся, то не показывал этого.

Примерно через час, который показался мне годом, гигантский кот размером с дом перевернулся, дал Адаму упасть, обнюхал его обмякшее, безжизненное тело и потрусил прочь. Адам не мог пошевелиться. Он надеялся, что кошка просто положит конец его унижению и страданиям прямо здесь, но этого не произошло. Неужели это сделал Бог? Если нет, то кто или что? И почему?

Адам пролежал так, не двигаясь, не думая, несколько часов. Иногда какое-нибудь острозубое чудовище подбиралось к нему, несколько раз обнюхивало его окровавленное тело и уходило. Его тело исцелилось, плоть восстановилась, кожа восстановилась, но дух остался сломленным. С новым чувством безнадежности Адам медленно поднялся и снова двинулся в лес. На этот раз, однако, он был более осторожен. Он держался в тени кустов, никогда не позволяя себе быть более заметным, чем это было необходимо. Наконец, после стольких лет, он нашел в земле небольшую ямку, где мог укрыться от внешнего мира. Как ни странно, он не чувствовал холода. Или голодным, если уж на то пошло. Как будто все человеческие черты, которыми он обладал раньше, были полностью заменены этой слизеподобной формой.

Маленькая дырочка была не пуста. На самом дне он обнаружил маленькое существо, похожее на крысу, с шестью ногами вместо четырех. Казалось, она его боится. Первой мыслью Адама было подружиться с этим маленьким существом. Может быть, вместе им будет легче выжить? Но, как все, казалось, было в последнее время, эта идея вернулась, чтобы укунить его в задницу. Крысица, как она и была, яростно атаковала, визжа и крича, царапаясь и кусаясь. Если бы у Адама все еще было его человеческое тело, справиться с таким вредителем было бы просто, особенно с тех пор, как он баловался боевыми искусствами (по просьбе Пита), но в этом неуклюжем теле... он не был так уверен в себе.

Битва была недолгой, и хотя Адам думал, что ему не одолеть Крысу, вскоре он обнаружил, что сидит на ней верхом, крепко обхватив ее шею своими маленькими скромными обрубками. Не обращая внимания на исступленное царапанье и визг, Адам надавил вниз, его голова плавала в красном, а тело было чьим-то еще. Адаму хотелось сделать глубокий вдох, тяжело дышать, почувствовать, что это что-то сделало, но этого не произошло. Оно не было мертвым, он знал это и был рад, что оно не было мертвым. Он не хотел убивать эту бедняжку. В конце концов, это он вломился в ее дом, а не наоборот.

Адам взвалил неподвижное тело на спину и пополз обратно в яму, где бросил крысу в отверстие. Потом он снова сполз вниз и сидел неподвижно, не зная, что делать. Ему не нравилось это молчание. Небытие. Он не любил ничего делать, но... это была его ситуация.

Глубоко в яме, не имея возможности ничего делать и ничего видеть, он чувствовал, что вот-вот сойдет с ума. Но он знал, что побег принесет ему только больше боли. Остатки боли и унижения все еще оставались в его пластиковом теле. В глубине его существа бушевала ярость. Его избил огромный домашний кот. Даже не избили, поиграли с ним, как с какой-нибудь писклявой игрушкой из долларового магазина, и бросили умирать!

Адам ненавидел свою злость. Он ненавидел крысу. Он ненавидел себя за то, что хотел убить ее. Он ведь не был жестоким человеком, правда? И все же ... если бы у него было сердце, оно бы

билось прямо из груди, даже сейчас. Он не знал, сколько времени прошло. Там, внизу, в темноте, время текло по-другому. И, не имея ничего другого, Адам был вынужден обратиться внутрь себя и заняться единственным темным искусством, которым он никогда не испытывал потребности заниматься: самоанализом.

И вот он сидел, как морская свинья на суше, и думал. Первое, что он заметил, было то, что, хотя у него не было никаких настоящих органов, в нем было что-то еще. Что-то холодное, твердое и острое. Иногда, когда он не думал ни о чем другом, вообще ни о чем, он мог прикоснуться к нему, почувствовать, как холодный туман окутывает его, абсолютный ноль внутри него влияет на все вокруг, и когда он открывал глаза, он мог поклясться, что видит мерцающие кристаллы льда в этом туннеле.

Но в своих размышлениях и исследованиях он не замечал своего исхудавшего тела, высыхающей кожи, усталых глаз. В конце концов, он почувствовал, что прохлада внутри него спадает, и понял, что что-то не так. Он попытался пошевелиться, впервые за Бог знает сколько времени, но ... не смог. Он чувствовал себя опустошенным. Внутри у него все похолодело. Он не хотел умирать. Только не так. Не в какой-нибудь забытой Богом норе, вырытой чудовищной крысой в чудовищном мире.

Это не могло так закончиться.

В любом случае, не так...!

Какое-то время Адаму ничего не оставалось, как медленно и методично наблюдать за постепенным ухудшением состояния собственного тела. Одна рука отвалилась, другая замерзла. Единственная причина, по которой он до сих пор не умер, вероятно, была связана с той странной регенеративной способностью, которой он, казалось, обладал, той самой, которая, должно быть, спасла его после того, как пума напала на него. Это было действительно нереально. Он чувствовал боль, но в то же время мог анализировать ситуацию так, как будто это не он умирал. Возможно, он все отрицал, а может, втайне надеялся, что в случае смерти вернется на Землю, но результат был тот же. Он чувствовал себя чужаком в собственной шкуре.

И вдруг, словно дурное воспоминание подкралось к нему, он услышал какой-то звук. Сначала он был слабым, несколько камешков покатались вниз, натываясь на его сморщенную фигуру, некоторые врезались в нее, сопровождаемые мягким топотом ног, волочением хвоста, тихим сопением хищника. Адам не нашел этот беспокойство в малейшей степени. Вместо этого болезненное любопытство нахлынуло на него, задавая вопрос: "Что же это может быть? Как я умру? Как это будет выглядеть?"

Это была крыса.

Что-то в ней изменилось. Адам был абсолютно уверен, что это то самое существо, которое он задушил бог знает сколько лет назад, но оно казалось... старше. Серый был светлее и имел не только пару ужасных шрамов, но и лишился руки. Как долго он там пробыл?... Адам этого не знал и никогда не узнает. Позже он смог предположить, что пробыл там по меньшей мере три-четыре года, учитывая, как мало магии он использовал за это время.

Тем не менее, видеть такое знакомое-но-другое лицо было... жутко. Это заставило его осознать, что время действительно прошло. Эта дыра не была чем-то вроде криотической камеры, где он мог сидеть и смотреть, как постепенно угасает, вокруг него действительно шла жизнь.

Крыса подозрительно принялась, словно пытаясь понять, есть ли еще кто-то в этой

маленькой комнате, кроме нее. . Светящиеся желтые глаза медленно повернулись к сморщенному телу Адама. Он не был уверен, правильно ли все понял, но ему показалось, что этот грызун-переросток... издевается над ним. Все его тело распрямилось и раздулось, когда он уверенно приблизился, все предыдущие потасовки были забыты.

Она действительно была довольно большой. Раньше тело Адама легко справлялось с этим скрипучим солнечным танцем животного, но теперь... он не мог даже пошевелиться. Все, что он мог сделать, - это ждать медленного приближения крысы. Она стояла рядом с ним, насмешливо ухмыляясь. И, не колеблясь ни секунды, она вцепилась ему прямо в бок. Адам дернулся бы, может быть, даже убежал бы, если бы мог. Вместо этого он лежал и с жалостью наблюдал, как крыса откусывает большие куски его плоти, словно это было не его дело.

Но это было так!

Он ведь не хотел умирать, правда? Он ведь этого не сделал, верно?!

Но как бы он ни старался вывести себя из себя, это было бесполезно. Он ничего не чувствовал. То пламя, которое было у него так давно, погасло, сменившись холодом в груди. Прохладно... холодно? О, да, это было, не так ли? В груди. Глубоко в душе. Адам почувствовал это. Он был слабее, теплее, но все же оставался. Он протянул руку, дотронулся до нее и...

Он снова открыл глаза.

Эта старая крыса прорвала половину его груди, грызя ее, как будто это никого не касалось. Но так оно и было. Это было дело Адама. Используя силу, о существовании которой он и не подозревал, он поднял единственное похожее на щупальце существо, похожее на дендрит, и, чувствуя, как холод концентрируется и растет внутри него, он протянул руку, и крыса, не ожидая, что мертвое существо пошевелится, была тронута.

Она мгновенно застыла.

Адам, не в силах вынести всю магию, которую вырвали из его тела и грубо втолкнули в крысу, потерял сознание на месте.

Но он выживет.

И он выжил.

<http://tl.rulate.ru/book/43655/1043804>